

СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ И ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ
SOCIOLOGY OF MANAGEMENT AND SOCIAL TECHNOLOGIES

УДК 316.75

DOI: 10.18413/2408-9338-2017-3-2-3-9

Евстифеев Р.В.

ИССЛЕДОВАНИЯ ЛОКАЛЬНЫХ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ:
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ И ПЕРСПЕКТИВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ

Владимирский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, ул. Горького, д. 59а, г. Владимир, 600028, Россия. roman_66@list.ru

Аннотация. В статье рассматривается опыт исследования локальных идентичностей. Автор выделяет ряд общих проблем, таких как проблема объекта, проблема методов и проблема влияния исследования на объект. Автор отмечает, что локальная идентичность имеет многомерный характер, как научный концепт локальная идентичность раздроблена между различными научными направлениями, а также создает для исследователя сложности в виде дихотомии между «естественным» происхождением и социальным конструированием. Для разрешения указанных проблем автор предлагает применить методологию Бруно Латура, основанную на пересборке социального, дополнив ее положениями о том, что процессы группообразования и связанные с ними процессы борьбы за распределение ценностей и символов в сообществе являются политическими процессами, обладающими всеми присущими политическому процессу признаками, включая риски и угрозы. Автор делает вывод о том, что развитие локальной идентичности ведет к осознанию общей субъектности разнообразных групп локального сообщества, что, в свою очередь, может являться основой для национальной идентичности.

Ключевые слова: локальная идентичность; территориальная идентичность; национальная идентичность; методы исследования.

R.V. Evstifeev

RESEARCH OF LOCAL IDENTITIES: THEORETICAL APPROACHES
AND PERSPECTIVE DIRECTIONS

Vladimir branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 59a, Gorky str., Vladimir, 600028, Russia, roman_66@list.ru

Abstract. The article examines the experience of studying local identities. The author identifies a number of common problems, such as the problem of the object, the problem of methods and the problem of the influence of research on the object. The author notes that local identity has a multidimensional character, as the scientific concept of local identity is fragmented between different scientific directions, and also creates for the researcher complexity in the form of a dichotomy between «natural» origin and social construction. To solve these problems, the author proposes to apply Bruno Latour's methodology based on a social reconfiguration, adding to it the provisions that the processes of group formation and the associated processes for the distribution of values and symbols in the community are political processes that have all the characteristics inherent in the political process, including risks and threats. The author concludes that the development of local identity leads to awareness of the general subjectivity of various groups of the local community, which, in turn, can be the basis for national identity.

Keywords: Local identity; territorial identity; national identity; research methods.

Исследования локальных идентичностей – относительно новый и все еще набирающий силу

тренд в социальных науках [2, 3, 4, 9, 10] . Связано это с тем, что само понятие

идентичности, в том числе групповой, позволяет ученым выйти из ложной дихотомии зависимости социальных процессов либо только от индивидуальных качеств акторов, либо только от коллективных представлений. Таким образом, коллективная или групповая идентичность соединяет в себе индивидуальные характеристики сознания и характеристики группы, не разделяя их, а предлагая рассматривать их как комбинацию, своеобразный симбиоз, порождающий как сами сообщества, так и конфликты внутри них и между различными сообществами [11, 12].

Более глубокое понимание социальных процессов в различных группах общества, вплоть до национальных государств, делает теории коллективных идентичностей и методы исследования, созданные на их основе, перспективным инструментом для исследователя, особенно в эпоху неустойчивой «текучей» современности, разобщенных сообществ и конфликтующих групп. Отметим также, что изучение локальных идентичностей имеет не только теоретическое значение, но нацелено на решение практических проблем, таких как общее развитие местных сообществ, повышение уровня солидаризации в сообществах, экономическое развитие территории и брендинг дестинации и т.д., включая политические и электоральные перспективы [5, 8].

Особенности идентичности как многомерного явления и как мультидисциплинарного научного концепта требуют более внимательного и аккуратного отношения, более глубокой научной рефлексии, критического рассмотрения исследовательского опыта и встречающихся проблем. Этому и посвящена данная статья.

Во избежание недопониманий и неоправданных надежд, автор хотел бы начать не с того, что будет содержаться в данной статье, а с того, чего в этой статье не будет. Это потребует не только перечислений, но и минимальных обоснований, в том числе обоснований того, что в статье все-таки будет. Но начнем с того, чем статья не является.

Данная статья не является всеобъемлющим обзором теоретических подходов и результатов исследований локальных идентичностей. Не оспаривая необходимость такого обзора и обобщений исследований, проделанных в последние годы учеными в России и за рубежом, тем не менее, представляется, что не менее интересно и полезно было бы не бросать все силы на отражение всей широты мнений и подходов к

изучению локальных идентичностей, а пройти своим путем, по возможности оставаясь в едином дискурсе и не теряя целостности рассуждений. Именно поэтому в статье не будет списков и больших перечислений работ и фамилий ученых, внесших серьезный вклад в исследование локальных идентичностей. Надеюсь, это не будет воспринято как неуважение к коллегам и к их вкладу в науку, тем более, что без опоры на уже проведенные исследования данная статья была бы невозможна.

Таким образом, в данной статье не будут охвачены все возможные теоретические объяснения и подходы к исследованиям локальной идентичности. Речь, как заявлено в названии статьи, пойдет о теоретических подходах, но это будут только те подходы, которые использовались автором, протестированы им и которые могут быть им оценены. В результате мы получаем подходы, возможности и ограничения которых апробированы в прикладных исследованиях.

К тому же, надо отметить, что эмпирическая база для теоретических обобщений по данной теме в России крайне недостаточна; именно поэтому довольно много спекуляций, повторений теорий и концепций, выработанных в других социально-культурных условиях и некритически переносимых на российское общество.

Автор статьи не претендует на полную объективность, и, напротив, даже намеренно субъективизирует подходы и методы, оценки и перспективы в надежде, что это, с одной стороны, безусловно, в какой-то мере снизит отстраненность и некоторую «холодность» классического научного подхода, и, с другой стороны, приблизит представленные автором результаты выводы к нуждам и потребностям тех исследователей, которые идут по нелегкому пути изучения локальных идентичностей.

Таким образом, статья, которую правильнее было обозначить как эссе, посвящена обобщению авторского опыта изучения локальной идентичности, а цель статьи – обозначить те проблемы, с которыми сталкивается любой исследователь локальной идентичности и наметить дальнейшей перспективы исследований.

Вопросы и проблемы, которые поднимаются в данной статье, связаны с исследовательским опытом автора и основаны на ряде проектов по изучению локальных идентичностей и городских сообществ [1, 2, 3].

По мнению автора, исследователям, обращающимся к феномену локальной

идентичности, приходится решать ряд общих взаимосвязанных проблем.

Самюэль Хантингтон в своей авторитетной работе вынужден был определить идентичность как «неотчетливую», представляющую собой «неявное множество, не поддающееся строгому определению и не подвластное стандартным методам измерения» [7, с.39]. Даже неглубокое изучение истории вопроса показывает, что само понятие «идентичность» предельно многозначно. Идентичность предстает перед нами в виде концепта, свойства человеческой психики, социальной группы, и, конечно, как предмет научной рефлексии.

Многочисленные попытки российских и зарубежных авторов дать свои определения коллективной идентичности не привели к единообразию в трактовках. В целом, можно выделить три главные проблемные линии, раскалывающие это исследовательское поле.

Во-первых, это признаваемые всеми многомерность и многозначность локальной идентичности.

Отметим, что в данной статье «привязанные» к месту проживания социальных групп идентичности, то есть – локальные идентичности, рассматриваются как частный случай коллективных идентичностей. Именно поэтому мы, прежде всего, обратим внимание на проблемы, связанные с многомерностью территориальной «привязки» идентичности.

Территория, локальная дестинация, к которой «привязывается» идентичность, сама по себе может пониматься как многоуровневая система, со своими собственными подсистемами, выявление которых и описание связано с методами и техниками масштабирования. Конечно, на первом месте здесь стоит привычное нам всем административное деление, то есть деление территории на государство, регион, район, город, местность и т.д. Однако, приоритетность такого деления еще нужно доказывать. При этом, индивиды могут ощущать идентичность со всеми уровнями, в том числе и теми, о существовании которых исследователь не подозревает и, следовательно, не изучает. Преставления о сложной структуре вложенных друг друга территориальных идентичностей хорошо согласуются с нашим привычным мироощущением, но могут приводить к существенным ошибкам в выявлении локальных идентичностей, не совпадающих с политико-административным делением. Можно также предположить, что имеется существенная разница

в подходах, в методологических принципах и в методах исследования при изучении больших сообществ, национального уровня, и сообществ не крупных поселений.

Нельзя не упомянуть и то, что степень научной важности того или иного уровня территориальной идентичности пока слабо связан с наличием ресурсов на этом или другом уровне. Как правило, локальные идентичности, то есть идентичности места проживания, города или поселения, находятся в самом низу политико-административной иерархии. Иными словами, наибольшими ресурсами обладают территориальные образования, называемыми государствами, а наименьшими – места локального проживания людей. Это приводит к перераспределению усилий в пользу, например, исследований национальной идентичности, тогда как локальные идентичности отходят на второй план.

Таким образом, методологически, чрезвычайно важно было бы, во-первых, иметь некоторый атлас локальностей, территорий и субтерриторий, в которых может иметься коллективная идентичность, во-вторых, определить наборы инструментов для изучения идентичностей в локациях различных масштабов, и, наконец, в-третьих, разработать инструменты, позволяющие выявлять и описывать такие локальности, которые не совпадают с известными исследователю политико-административными и культурно-историческими границами.

Вторая проблема, разрывающая исследовательское поле, связана с тем, что понятие локальной идентичности раздроблено между различными отраслями знаний, такими как философия, психология, социология, политология и т.д. При этом в каждой из наук по-разному понимается основание данного феномена и его сущностное раскрытие, существуют свои методы, свои подходы и свои требования к отображению результатов научного исследования.

Данные разрывы не представляются непреодолимыми, однако, в рамках нынешнего состояния науки и общества, они существенно затрудняют исследования. Требуется большая кооперативная работа ученых разных специальностей, больше нацеленных на изучение реальности и, конечно же, хорошо сформулированные запросы от различных институтов и групп нашего общества (последнее – важнейшая часть научной работы и заслуживает отдельного рассмотрения за пределами данной статьи).

Третью проблему можно определить как проблему соотношения «естественности» и «конструируемости» локальной идентичности.

Следует отметить, что современная наука вполне осознала и восприняла идею о двойственном характере локальной идентичности, которая, с одной стороны, является стихийным процессом изменений в мышлении и мировоззрении членов сообщества, детерминированных прошлым (Past Path Dependancy) и изменяющихся под влиянием современных условий, но, с другой стороны, может быть управляемым процессом и результатом конструирования смыслов и ценностей. Таким образом, исследования локальной идентичности нельзя сводить только к измерениям некоторых выявленных параметров, без понимания того, что из этих параметров является естественным, а что - привнесенным социальным и политическим развитием сообщества или его части, которая может доминировать над остальными и навязывать свои параметры идентичности.

Тесно связаны с проблемой расколотости исследовательского поля и проблемы методов исследования, применимых для изучения локальных идентичностей.

Социальные науки выработали для себя удобное подразделение методов на количественные и качественные. Все они в полной мере представлены в работах российских и зарубежных ученых. Однако, если мы примем во внимание проблемы, описанные выше, то увидим, что область неопределенности такова, что привычные методы исследования не могут дать нам ответы на важнейшие вопросы.

Это касается, прежде всего, трех позиций. На взгляд автора, у нас пока нет эффективных инструментов для а) измерения локальных идентичностей и их параметров, б) сравнения локальных идентичностей, в) прогнозирования развития локальных идентичностей.

И это характеризует не столько слабость методологического оснащения, сколько сложность самого объекта, который неудержимо изменяется и развивается и делает это в разнообразных направлениях и с разными скоростями.

Нетрудно заметить, что отсутствие таких инструментов ставит под сомнение научную значимость исследований локальных идентичностей. Если их нельзя измерять, нельзя сравнивать и невозможно делать прогнозы – то

что вообще мы изучаем и зачем? Конечно, на самом деле ситуация не столь драматична: речь идет о том, чтобы осознать проблему и попытаться найти ее решение.

Представляется, что главным способом решения могут быть только новые исследования, с разнообразными методиками, и, что очень важно – обмен и интерпретация результатов различными научными группами.

Размышляя о методах исследований, любой ученый, изучающий локальные идентичности, отметит, что вторжение исследователя в эту хрупкую и весьма ажурную область, может существенно повлиять на ситуацию. Иными словами, проблема влияния исследователя на объект своего исследования в случае с локальной идентичностью остра как нигде.

Любые вопрошания в адрес сообщества по поводу локальной идентичности заставляют респондентов задумываться над этой стороной своей личности. И тут происходит очень важная вещь.

Человек, произносящий «Я – владимирец», «Я – белгородец», или «Я – россиянин», не только обозначает свое место в пространстве идентичностей, он в этот момент становится еще больше владимирцем, еще больше белгородцем и еще больше россиянином.

В этом отличие фразы «Я – белгородец», от, скажем, фразы, обозначающей место человека в физическом или даже в социальном пространстве. Когда человек говорит «Я нахожусь в Белгороде» – он не увеличивает степень своего нахождения в Белгороде, он просто обозначает свое местонахождение. Точно так, когда человек говорит: «Я – менеджер», или «Я – пенсионер», он не становится больше менеджером или больше пенсионером.

Фразы же «Я – белгородец» или «Я – владимирец» совсем иного свойства. Они сами по себе являются действием, социальным актом, а не простым указанием на локацию. Но, при этом, это действие – носит внутренний характер, его не видно снаружи и оно обнаруживает себя исключительно через слова актора. Это действие, производимое при помощи обозначение себя как «владимирца», «смолянина» или «белгородца» – является частью процесса самоидентификации человека в координатах локальных сообществ.

Именно поэтому исследования локальной идентичности, как некоторого состояния, скорее всего, не имеет смысла без понимания логики и динамики развития процесса

самоидентификации, насколько это возможно очищенного от влияния исследовательских процедур.

Представляется, что дальнейшие перспективы исследований локальной идентичности могут быть связаны с определенным пересмотром ставших уже традиционными подходов. Некоторую перспективную линию, не по направлению исследований, а, скорее, по методологии, задает подход Бруно Латура, предложившего провести «пересборку социального», чтобы вырваться из сложившихся исследовательских практик и процедур, мешающих увидеть реальность.

Одним из существенных условий снятия ограничений на пути к такому понимаю, Латур считает пересмотр подходов к изучению социальных групп и предлагает несколько положений, вполне подходящих для нашего методологического «рывка» в изучении локальных идентичностей [6, с. 46-62].

Во-первых, для того чтобы очертить группу необходимо обнаружить ее представителей, «говорящих в пользу» существования этой группы. Как пишет Латур, «группы – не безмолвные объекты, а временное порождение постоянного гула, создаваемого миллионами голосов, спорящих о том, что это за группа и кто к какой группе принадлежит».

Во-вторых, для установления границ любой группы формируется перечень «антигрупп», в отношении которых происходит постоянная разметка «социального контекста». При этом, как замечает Латур, очерчивание границ групп – не только одно из занятий социологов, но и постоянная задача самих акторов, именно акторы творят социологию для социологов, а социологи от них узнают, что составляет их множество связей.

В-третьих, и это самое главное у Латура: групп нет – есть только группообразование, то есть процессы постоянного образования групп, причем в этом процессе главным являются действия. Только действия и создают группы. Только акторы и являются организаторами групп.

Представленные и интерпретированные нами аргументы Латура, можно оценить как весьма полезные и важные для научного конструирования модели социальной идентичности с последующей эмпирической проверкой. Как ученый, занимающийся политической наукой, автор, конечно, непременно добавил бы еще положение о том, что процессы группообразования и связанные

с ними процессы борьбы за распределение ценностей и символов в сообществе являются политическими процессами, или даже более резко – это и есть настоящая политика, часто незаметная и замещенная действиями, словами и перемещениями лиц, считающимися политиками.

С этой точки зрения процесс самоидентификации и обретения локальной идентичности – политический процесс, обладающий всеми присущими политическому процессу признаками, включая риски и угрозы.

Дело в том, что в социальном пространстве гораздо больше табуированных пространств, чем в пространстве физическом, давно освоенном человечеством.

Отсюда получившее распространение в современном мире явление, называемое каминг-аут (coming out), то есть публичное признание человеком такой своей идентичности, которая не является полностью поощряемой в том или ином обществе. Это часто касается признаний в особенностях своего сексуального поведения, которое более или менее контролируется каждым обществом. Однако, это же может касаться любых проявлений ментальных особенностей, которые так или иначе находятся под контролем общества. Здесь проблема социальной идентичности смыкается с проблемой распределения власти в обществе и осуществления этой власти, так как контроль и табуирование социальных идентичностей искажает социальное пространство. В связи с этим процесс появления и проявления своей идентичности может нести в себе определенные риски для человека и сообщества, в той мере, в какой он вступает в противоречие с другими идентичностями, поддерживаемыми при помощи властных ресурсов (в данном случае, оговоримся, речь идет не о ресурсах органов власти, а об обладающих властью группах или отдельных личностей, независимо от их принадлежности к властной иерархии или положения в ней).

Это еще более усложняет исследовательские задачи, особенно в отношении российского общества, в котором не слишком развитый идентификационный механизм порождает сильные напряжения между желаемыми, но плохо осознанными ролями, с одной стороны, и не должным, но реальным положением, плохо понимаемым и мало осмысленным (хотя и оцениваемым!). Но это даже не коллективная идентичность. Апеллировать приходится к самому первому, личностному уровню. Без этого, все

остальное становится чисто манипулятивным приемом из практики управления массовым обществом.

По самому высшему счету, вопросу «Кто мы» следует предварить обязательный вопрос «Кто я?». Причем последний вопрос – никто кроме самого человека задать не сможет. Но человек, даже задавая такой вопрос, тут же улавливает набор возможных ответов из социальной реальности, и почти не размышляя, выбирает нужную опцию – и становится не тем, кем он есть на самом деле. Круг неидентификации, или квази-идентификации, замыкается.

Плохо пришитый, либо пришитый придуманными нитками, к социальному пространству человек кажется на первый взгляд свободным. Но, похоже, что мы просто ошибаемся с количеством измерений этого пространства и с механизмами взаимодействия. Там, где мы не пришиты, мы намертво приклеены, прибиты, пригвождены, прежде всего, к пространству физическому, то есть к локации, к месту жительства. Эту «пригвожденность» в какой-то степени тоже можно назвать локальной идентичностью. Но способность вертеться, увертываться, извиваться – безусловно, еще остается.

Реализуется эта свобода во многом за счет позиционно-самоидентификационных опций: социальных, политических, экономических, нравственных и так далее. Кто удачней извернулся в рамках данных измерений – тот и получает преимущество.

Конечно, при этом, проблема самоидентификации человека включает в себя и проблему человеческого достоинства, проблему должного в его мыслях, поведении и отношении окружающих. Правда, быстро вертящийся и полуприбитый к социальной сфере современный человек конвертирует эту проблему в проблему личного успеха, который, может даже далеко отрываться от достоинства, должного и надлежащего.

Иными словами, достижения индивидуализированного мышления, опирающиеся на идеи и практики послереформационной Европы (собственно то, что чаще всего и называют у нас свободой), попадают в головы непристегнутых друг к другу людей, хотя и встроены в социальное и, прежде всего, в географическое пространство. Такими людьми, на первый взгляд, легче управлять (справляться с ними), но, с другой стороны, очень трудно мобилизовать, опираясь на сознательность и инициативность, организовать взаимодействие,

наладить коммуникации и т.д. Когда это становится слишком заметным (в том числе и самим гражданам), и даже угрожающим, не остается ничего другого, как предложить людям пристегнуться общими ремнями патриотизма, «духовных скреп», и, скажем, национализма, как более простого и понятного драйвера идентификации. Однако это предложение не решает основной проблемы. Порядок, основанный на предлагаемой групповой идентификации, на силовой полицейской поддержке групповых коллективных представлений и ритуалов, будет неминуемо вступать в конкурентное взаимодействие с напряжениями несостоявшейся индивидуальной идентификации, одновременно пытающейся соответствовать, с одной стороны, уровню развития российской социально-экономической модели, а, с другой стороны, выборочным характеристикам моделей развитых стран, неминуемо проникающих сквозь несуществующие культурные границы и занимающих свое место в системе идентификационных опций.

Данное напряжение превращает видимый поверхностный порядок, то есть некоторое физическое упорядочивание элементов и даже формирующихся институтов, в квази-порядок в рамках квази-институтов, готовых обернуться беспорядком при легком нарушении равновесия, высвобождающего энергию существующих противоречий.

Самоидентификация и обретение локальной идентичности, пусть даже и конструируемой доминирующими группами, в данной ситуации будет вести к осознанию общей субъектности разнообразных групп и, возможно, к новым конфликтам в борьбе за ценности.

Таким образом, зарождение и появление локальной идентичности – не просто овладение локальным культурно-ценностным багажом, а, прежде всего, процесс, связанный с обретением субъектности, причем субъектности гражданской, противостоящий подданнической культуре, и, возможно, являющейся основой для национальной идентичности. Впрочем, последнее утверждение носит по-настоящему гипотетический характер, и, надеюсь, будет подтверждено или же опровергнуто дальнейшими исследованиями.

Информация о конфликте интересов: авторы не имеют конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: authors have no conflict of interests to declare.

Литература

1. Евстифеев Р.В. Локальная идентичность: символическая политика и несимволические практики // Философские науки. 2016. № 1. С. 88-95.

2. Евстифеев Р.В., Задорин И.В., Крупкин П.Л., Лебедев С.Д. Городские локальные идентичности и потенциал политической солидаризации // Символическая политика. Сб. научных трудов. ИНИОН РАН, Вып. 4. Социальное конструирование пространства. М., 2016. С. 245-258.

3. Задорин И.В., Евстифеев Р.В., Крупкин П.Л., Лебедев С.Д., Шубина Л.В. Городские локальные идентичности как основа формирования устойчивых местных сообществ. Исследование общегородских идентичностей жителей Владимира, Смоленска, Ярославля. М.: Исследовательская группа ЦИРКОН, 2016.

4. Истомин А.Г., Лебедев С.Д. Локальная идентичность жителей города Белгорода (по материалам качественного исследования) // Научный результат. Социология и управление. 2015. № 2. С. 13-21.

5. Карлова Е.В. Территориальная идентичность населения в центральной России: дис. ... канд. геогр. наук: 25.00.24. М., 2015.

6. Латур Б. Пересборка социального. Введение в акторно-сетевую теорию. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2014.

7. Хантингтон С. Кто мы?: Вызовы американской национальной идентичности. М.: АСТ, 2004.

8. Ширманов Е.В. Общероссийская и региональная идентичности в современной России: политический анализ (на примере Республики Мордовия): дис. ... канд. пол. наук: 23.00.05. Саранск, 2016.

9. Anderson M. Community identity and political behavior. New York: Palgrave Macmillan, 2010.

10. Castells M. Power of Identity. Cambridge Mass: Blackwell Publishers, 1997.

11. Lawler S. Identity. Sociological Perspectives. Polity Press, 2014.

12. Tajfel, H., Turner J.C. The social identity theory of intergroup behavior // *Psychology of intergroup relations*. Chicago: Chicago University Press, 1986. P. 7-24.

References

1. Evstifeev R.V. Local identity: symbolic politics and non-symbolic practices. *Philosophical Sciences*. 2016. №1. Pp. 88-95. *Russian*.

2. Evstifeev R.V., Zadorin I.V., Krupkin P.L., Lebedev S.D. Urban Local Identities and the Potential of Political Solidarity. *Symbolic Politics. Collection of Scientific papers*. INION RAS, Issue 4. Social construction of space. Moscow, 2016. Pp. 245-258. *Russian*.

3. Zadorin I.V., Evstifeev R.V., Krupkin P.L., Lebedev S.D., Shubina L.V. Urban local identities as the basis for the formation of sustainable local communities. Study of city identities of the inhabitants of Vladimir, Smolensk, Yaroslavl. Moscow: ZIRCON Research Group, 2016. *Russian*.

4. Istomin A.G., Lebedev S.D. Local identity of residents of the city of Belgorod (based on qualitative research materials). *Scientific Result. Sociology and Management*. 2015. №2. Pp. 13-21. *Russian*.

5. Karlova E.V. Territorial identity of the population in central Russia: Diss. of Geographic Science. Moscow, 2015. *Russian*.

6. Latour B. Reassembling the social. Introduction to the actor-network theory. Moscow: Publishing house of the Higher School of Economics, 2014.

7. Huntington S. Who are we?: Challenges of American national identity. Moscow: AST, 2004.

8. Shirmanov E.V. Russian and regional identities in modern Russia: political analysis (on the example of the Republic of Mordovia): Diss. of Political Science. Saransk, 2016. *Russian*.

9. Anderson M. Community identity and political behavior. New York: Palgrave Macmillan, 2010.

10. Castells M. Power of Identity. Cambridge Mass: Blackwell Publishers, 1997.

11. Lawler S. Identity. Sociological Perspectives. Polity Press, 2014.

12. Tajfel H., Turner J.C. The social identity theory of intergroup behavior. *Psychology of intergroup relations*. Chicago: Chicago University Press, 1986. P. 7-24.

Евстифеев Роман Владимирович, доктор политических наук, ведущий научный сотрудник Владимирского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Roman V. Evstifeev, Doctor of Political Sciences, Leading Research Fellow, Vladimir branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.